

Содержание

<i>Пролог. Меч в могильном кургане</i>	<i>7</i>
<i>Введение. Норвежский король былого и грядущего</i>	<i>13</i>
<i>Хронология</i>	<i>16</i>
Глава 1	Мир молодого норвежского вождя..... 19
Глава 2	Харальд Прекрасноволосый и его преемники 37
Глава 3	Викинг Олав Харальдссон..... 56
Глава 4	Олав отрекается от старых богов 76
Глава 5	Битва у мысов Несьяр (1016 год) 90
Глава 6	Строительство королевства..... 102
Глава 7	«Ужасный» и другие боги113
Глава 8	Новая религия.....128
Глава 9	Империя Олава142
Глава 10	Олав и шведские принцессы 165
Глава 11	Борьба с бесами182
Глава 12	Убийство Асбьёрна Тюленебойцы.....198
Глава 13	Тень Кнута Великого..... 208
Глава 14	Война с Кнутом218
Глава 15	Норвегия отворачивается от Олава Харальдссона.....237
Глава 16	В изгнании у викингов на Руси252
Глава 17	Возвращение на родину 266

Глава 18	Месть старых богов: Стикластадир	286
Глава 19	Олав «восстает из мертвых».....	296
Глава 20	Триумф Олава Харальдссона	314
<i>Эпилог. Вовеки король Норвегии</i>		<i>322</i>
<i>Благодарности.....</i>		<i>326</i>
<i>Библиография</i>		<i>327</i>
<i>Примечания.....</i>		<i>333</i>
<i>Предметно-именной указатель</i>		<i>349</i>

Пролог

Меч в могильном кургане

Этот меч зовется Бэсинг.

ЛЕГЕНДАРНАЯ САГА ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ¹

Летом 995 года (датировка приблизительна) Аста Гудбрандсдоттир* лежала, пригвожденная к постели, в доме своего отца Гудбранда Шишки и никак не могла разродиться². Причиной тому могла быть тревога или обида, а может, и то и другое, ведь не так давно ее муж Харальд Гренландец, конунг** Гренланда³, оставил ее и отправился в Швецию — обхаживать овдовевшую королеву Сигрид Гордую, богатства которой он жаждал пополучить. Асту не сильно утешило известие о том, что Сигрид быстро

* Патронимические имена (отчества) у древних скандинавов образовывались путем добавления -son («сын») или -dóttir («дочь») к имени отца в родительном падеже. Это не фамилии, хотя на континенте (в отличие от Исландии) многие исторические отчества со временем стали фамилиями. — *Прим. пер.*

** Конунг (др.-сканд. konungr) — титул независимого правителя определенной территории, позднее — скандинавский эквивалент титула «король». — *Прим. пер.*

надоели эти ухаживания, и однажды она дождалась, пока Харальд и сопровождавшие его хускарлы* напились и уснули мертвецким сном, и отправила своих людей поджечь покои, где почивали гости. Тех, кто сумел выбраться из-под пылающих стропил, перебили**.

Весть о гибели Харальда Гренландца и о том, что Аста стала вдовой, ей принес Хрэни Путешественник (*Víðförli*), ранее бывший правой рукой Харальда. Он уцелел, потому как Харальд, отправляясь со сватовством к Сигрид после недавно одержанной победы над викингами Йомсборга, оставил Храни командовать основными силами своего *хирда* (вооруженной свиты).

Как сообщает «Легендарная сага об Олаве Святом» (жизнеописание XIII века, основанное главным образом на рассказах скальдов), спустя какое-то время Храни явилась во сне величественная фигура человека в алом плаще и с тяжелым золотым обручем на руке. «Я — Олав Большеногий (*digyrbeinn*), — сказала видение, — и я хочу, чтобы ты проник в мой могильный курган в Гейрстадире. Там ты найдешь человека, одетого подобно мне. Подойди к нему, возьми его обручье, сними с него пояс и меч, а затем отсеки ему голову. Кроме него, там будут и другие люди, но ты их не бойся... Если не сделаешь, как я велел, случится большая беда, если же сделаешь, все будет хорошо...

* Хускарл (др.-сканд. *húskarl*, букв. «мужчина дома») — человек, находящийся в услужении у *húsbóndi*, «хозяина дома». Хускарлами могли называть также телохранителей конунга. — *Прим. пер.*

** Как сообщает «Сага об Олаве сыне Трюгви», вместе с Харальдом Гренландцем в пламени погиб и некий конунг Виссавальд из Гардарики (древнескандинавское название Руси), также приехавший свататься к Сигрид. В «Легендарной саге об Олаве Святом» о нем говорится как о «конунге с Восточных путей», что указывает на земли вдоль знаменитого торгового маршрута из варяг в греки. В Виссавальде исследователи не без основания видят древнерусское имя Всеволод, но при этом затрудняются соотнести его с каким-либо конкретным историческим персонажем. — *Прим. пер.*

После ты должен отправиться в Уппланд, в дом конунга Гудбранда Шишки. Там ты найдешь его дочь Асту, которая не может разродиться. Гудбранд убит горем, он совсем потерял рассудок из-за оскорбления, которое нельзя смыть кровью. Харальд Гренландец с позором отослал Асту и ее служанок назад к отцу, и теперь тот страдает от унижения не меньше дочери. Дождись, пока они не спросят у тебя совета, а затем вели, чтобы Асту опоясали моим ремнем».

Курган принадлежал конунгу Олаву Альву Гейрстадира — Олаву Большеного, павшему в бою 60 лет назад. Он и его единокровный брат Сигрёд из Трандхейма отказались платить дань другому своему брату — конунгу Эйрику по прозвищу Кровавая Секира. Под завывания ветра Эйрик с войском «плыл день и ночь, и никакие вести о его приближении не опередили его»⁴. Непокорные Олав и Сигрёд собрали людей и выстроили их стеной на горном хребте у хутора Хаугар, расположенного на окраине Тунсберга в Вестфольде*. Однако они уступали противнику числом и скоро были разбиты. На склоне горы, где пали воины Олава и Сигрёда, хускарлы соорудили для них погребальные курганы**.

В Норвегии подобных курганов было множество, и среди них — знаменитый курган в Гокстаде. Когда в 1880 году археологи раскопали находившийся в нем драккар, в корабле обнаружился сидящий скелет человека огромного роста. На нем остались следы страшных ран, полученных в битве (все они были нанесены спереди), и многие годы ошибочно считалось, что это останки Олава Альва

* Современные названия — Тёнсберг и Вестфолл (Норвегия).

** Отсюда возникло само название хутора Хаугар (Haugar, букв. «курганы»). — *Прим. пер.*

Гейрстадира*. Древние скандинавы обычно обходили такие места стороной. Бог Óдин, «владыка мертвецов»**, мог не переживать о том, что кому-то придет в голову нарушить их покой, пока в курганах жили альвы — не милые крохотные эльфы, какими их представляют в Англии, а духи умерших, которые, если их разозлить, могли наслать бурю или наложить заклятие, губящее урожай. Благоразумные люди, особенно жены владельцев хуторов, приносили жертвы, чтобы умиловить живущих на их землях альвов.

Самыми страшными из всех считались *драуги* — «нежить», или «ходячие покойники», которых хоронили в специально сооруженных курганах. Охраняя свои сокровища, они нападали на всякого, кто пытался проникнуть внутрь. В «Саге о Греттире» рассказывается, как Греттир вторгся в могильный курган Кара Старого, чей призрак держал в страхе жителей окрестных хуторов. В зловонной тьме герой саги наткнулся на высокий стул, на котором восседал неупокоенный Кар. Вокруг него лежали груды золота и серебра, а у его ног — сверкающий меч. Греттир забрал сокровища и хотел уже выбраться наружу, когда костлявая рука схватила его за плечо, и пришлось ему вступить в смертельную схватку с ожившим покойником. Греттир бился с ним до тех пор, пока тот со страшным грохотом не рухнул навзничь. Перед тем как уйти, Греттир вынул свой меч, отрубил драугу череп и положил его между бедренными костями⁵.

* Не следует путать Олава Гудрёдссона, жившего в первой половине IX века и умершего от болезни, и Олава Харальдссона (сына Харальда Прекрасноволосого), погибшего в 934 году в битве, о которой шла речь выше. Оба они носили прозвище Альв Гейрстадира (Geirstaða-Alfr), но Гокстадское захоронение связывают с первым из Олавов. — *Прим. пер.*

** Цитата из «Саги об Инглингах» (гл. VII). — *Прим. пер.*

Впрочем, Храни тоже был человеком исключительной храбрости. Пробравшись в курган Олава Альва Гейрстадира, он отсек тому голову и забрал его обручье, пояс и меч. Затем отправился к Гудбранду Шишке в Хрингарики — дикий лесной край в дальнем углу Уппланда, на северо-запад от нынешнего Осло. Там он рассказал всю историю. Получив согласие Гудбранда, Храни возложил пояс Олава на живот Асты, и вскоре после того она благополучно родила сына. Гудбранд, питая злобу к Харальду Гренландцу из-за его предательского отъезда, велел, чтобы ребенка бросили умирать от голода и холода, как часто поступали с нежеланными детьми в языческой Норвегии (этот обычай был известен как «вынос детей»). Храни пытался возражать, но младенца все равно отнесли в заброшенную хижину и оставили там.

В ту ночь Храни проснулся от криков младенца и увидел, что над хижинкой струится необычный свет. Он сразу же пошел к его деду, рассказал об этом и предсказал, что из мальчика вырастет великий человек, который принесет своим родичам славу⁶. Гудбранд Шишка отказался поверить ему, и Храни привел к хижине друга, который тоже увидел свет. Но старик оставался непреклонен (что неудивительно, ведь его прозвище *Кула*, то есть «шишка», не предполагает большого ума). В конце концов Храни уговорил Гудбранда пойти и взглянуть самому. На этот раз свет был почти ослепительным. Потрясенный Гудбранд распорядился, чтобы ребенка забрали в дом и начали воспитывать как члена семьи.

Согласившись на роль приемного отца, Храни отдал мальчику для игр пояс и обручье. Он же дал ему имя Олав — в честь конунга из кургана. Для язычников-скандинавов, многие из которых твердо верили в переселение душ, это был очень значимый поступок. Совпадение

имен могло говорить о многом и даже о том, что мальчик — это вновь родившийся Олав Альв Гейрстадира.

А меч Бэсинг Храни передал на хранение Асте, чтобы та сберегла его для сына.

ВВЕДЕНИЕ

Норвежский король былого и грядущего

Конунгов был трёндам
страшен взор, сверкавший
как у змея. Грозен
им казался Олав.*

СИГВАТ ТОРДАРСОН.
Поминальная драпа об Олаве Святом¹

Перед вами жизнеописание героя-викинга, ставшего *Norges evige Konge*, «вечным королем Норвегии». Его звали Олав Харальдссон, правил он в начале второго тысячелетия, и о нем мы знаем больше, чем о любом другом викинге. Для норвежцев это более значимая фигура, чем Артур для британцев, но, в отличие от британского «короля былого и грядущего», Олав существовал в реальности. Как

* Трёнды (др.-сканд. þrændir) — жители северной области Трандхейм в Норвегии. Территория, на которую распространялось т.н. трёндское право (законы Фростатинга), также называлась Трёндалёг (Þrændalög, букв. «законы трёндов»). В современной Норвегии о них напоминают названия провинции Трённелаг и её крупнейшего города Тронхейм. — *Прим. пер.*

и у Артура с его Экскалибуром, история Олава начинается с меча, извлеченного, однако, не из камня, а из могильного кургана. А прервала его жизнь секира, ставшая со временем его символом.

Усыпальница Олава в Нидаросе каждый год привлекает все больше и больше паломников. Причина его притягательности кроется отчасти в контрасте между особой свирепостью этого викинга и тем, что именно он сделал Норвегию христианской страной. Преследуемый и богами, и демонами, он вырвался из мира Одина и Тора в мир Высокого Средневековья с его иллюминированными рукописями, романской скульптурой и григорианским хоралом.

С ранних лет участвуя в морских набегах на побережья Англии, Балтики, Франции, Испании, Олав был славным завоевателем. И при этом именно он обрек жизненный уклад викингов на исчезновение, заставив Норвегию отказаться от ее древних богов. Нам сейчас трудно даже представить, насколько глубоко старые языческие божеества были укоренены в сознании жителей Скандинавии, и то, что Олаву удалось их ниспровергнуть, в свете этого выглядит еще более значительным свершением. По вполне понятным причинам он успел нажить себе много врагов.

В Британии, как и в Норвегии, Олав оставил по себе долгую память. В 1009 году он принял участие в кровопролитном вторжении викингов в Англию и лично разрушил Лондонский мост, а затем взял штурмом и сжег Кентербери, перебив его обитателей. К тому же он завладел богатой добычей, получив огромную долю в «датских деньгах»*. Кроме того, он добился невероятной популярности

* «Датские деньги» (англ. Danegeld) — особый налог, который с конца X века собирался в Англии для уплаты выкупа скандинавским викингам. Со временем приобрел характер налога на нужды обороны страны. — *Прим. пер.*

благодаря своему дару целительства. На Британских островах именем Олава было освящено как минимум 40 церквей, и расписная алтарная перегородка XV века в церкви Бартон-Тёрфа в графстве Норфолк по-прежнему хранит изображение «св. Олофия», сжимающего в руке секиру — оружие, которым его убили.

Тому, что история Олава дошла до нас, мы обязаны в первую очередь исландцу Снорри Стурлусону (1179–1241), написавшему монументальное сочинение «Круг Земной» (*Heimskringla*) — собрание саг о 16 норвежских конунгах, которое до недавнего времени было самой популярной книгой в Норвегии. Среди этих саг есть и сага об Олаве — шедевр автора, во многом предвосхитившего великих мастеров психологического романа². Он не всегда точен в деталях, ведь от Олава его отделяли два столетия, и то и дело путается в хронологии, но у него было важное преимущество — возможность обращаться к народной памяти, передаваемой из поколения в поколение, и к стихам скальдов-современников Олава. Вне всякого сомнения, Снорри является для нас важнейшим источником сведений.

В наши дни викинги стали объектом культа. О них снимают сериалы и пишут романы-бестселлеры. Тем не менее за пределами Норвегии или узкого круга специалистов-историков Олав почти неизвестен. Мой интерес к нему начался в Осло, куда я приехал на рождественские праздники, когда хозяин дома, где я остановился, сообщил мне, что возрожден *пильгримследен* — древний паломнический путь к усыпальнице конунга в Нидаросе.

Хронология

- 995 г. Рождение Олава Харальдссона в Хрингарики.
- 1000 г. Гибель конунга Олава Трюгтвасона в битве у Свёльда.
- 1007 г. Олав начинает жизнь викинга, участвует в набегах на побережье Балтийского и Северного морей.
- 1009–1011 гг. Олав с войском викингов Торкеля Высокого находится в Англии.
- 1012 г. Олав — предводитель скандинавских наемников во Франции.
- 1013 г. Олав мирно зимует в Нормандии и принимает там христианство.
- 1014 г. Олав со своими викингами опустошает Галисию и захватывает епископа для получения выкупа. Олав нападает на маврский Кадис.
- 1015 г. Олав вновь отправляется в Англию, чтобы сражаться на стороне Этельреда II против Кнута. Олав возвращается в Норвегию, и жители юго-востока провозглашают его конунгом.
- 1016 г. Олав одерживает победу над ярлом Свейном в битве у Несьяра.
- 1017 г. Олав провозглашен конунгом по всей Норвегии. Олав сватается к Ингигерд, дочери Олава Шведского, но получает от ее отца отказ.

Хронология

- 1018 г. Олав берет в жены Астрид Олавсдоттир, сестру Ингигерд.
- 1022 г. Олав запрещает продавать зерно на север Норвегии.
Торир Тюлень публично унижает Асбьёрна.
- 1023 г. Асбьёрн на глазах у Олава убивает Торира Тюленя.
- 1024 г. Тинг на острове Мостр.
Наложница Олава Альвхильд рождает ему сына и наследника Магнуса.
Асмунд Гранкельссон (с одобрения Олава) убивает Асбьёрна Тюленебойцу.
- 1027 г. Олав и шведский конунг Энунд Якоб опустошают Данию.
Битва на реке Хельга с Кнутом, конунгом Дании и Англии.
- 1028 г. Кнут вторгается в Норвегию, и его провозглашают конунгом.
- 1029 г. Олав по зимнему снегу прорывается в Швецию, а позднее находит убежище в Новгороде.
- 1030 г. Олав возвращается в Норвегию и погибает в битве при Стикластадире.
- 1031 г. Сын Олава Магнус становится конунгом Норвегии, что знаменует окончание датского владычества.
- 1154 г. Олав провозглашен «вечным королем Норвегии».

ГЛАВА 1

Мир молодого норвежского вождя

*У Одина — ярлы,
павшие в битвах,
у Тора — рабы.*

ПЕСНЬ О ХАРБАРДЕ¹

Приемного отца Олава Храни Путешественника часто называют его дядей. Он действительно приходился молочным братом Харальду Гренландцу и, как и Харальд, был родом из Гренланда, где ему принадлежал хутор. Однако кровного родства между ним и Олавом не было. Тем не менее он стал первым важным союзником Олава. Помня о сновидении, которое помогло мальчику появиться на свет, Храни чувствовал в нем присутствие высшей силы. И как только у ребенка прорезался первый зуб, Храни положил у его колыбели меч Бэсинг*.

* Это слово (др.-сканд. básingr) буквально означает «отродье коровника» (báss). В древних законах Исландии (Grágás I, 178) так называли ребенка, чья мать была изгнана из общества и объявлена вне закона. — Прим. пер.

Старый Гудбранд Шишка умер, когда Олаву было пять лет, и его мать Аста вновь вышла замуж. Ее новым мужем стал Сигурд Свинья, конунг Хрингарики. Свиньей его прозвали соседи, презиравшие Сигурда за то, что битвам и военным походам он предпочитал работу на земле и, по их мнению, зря тратил жизнь, копаясь в грязи. Ближе к истине оказался Снорри Стурлусон, назвавший его «хорошим хозяином».

Когда Олаву исполнилось восемь, в одном из сундуков матери ему на глаза попался загадочный предмет, мерцавший холодным голубоватым светом. Завороженный, он спросил мать, что это такое. «Это меч, который зовется Бэсинг. Его оставил для тебя твой воспитатель, — ответила ему Аста. — Когда-то, давным-давно, он принадлежал конунгу Олаву Альву Гейрстадира». Мальчик стал требовать, чтобы ему тотчас отдали меч. Несомненно, он думал, что тот обладает магической силой.

...золотом убран, —
гибель для копий.
С кольцом рукоять,
храбрость в клинке,
страх в острие
для тех, чьим он станет².

Насколько можно судить, Бэсинг был выкован из закаленной стали и снабжен простой крестовиной. Его обоюдоострый клинок имел длину от 80 до 90 сантиметров и был облегчен за счет желобка (дола), идущего от рукояти к острию. Мечи эти были настолько острыми, что, как рассказывают саги, одним ударом можно было отсечь у человека голову или даже ягодицы. Несмотря на чуть скругленное

острие, их можно было использовать для колющих ударов, но в первую очередь они были предназначены для рубки. Лезвие и навершие часто инкрустировались золотом или серебром, а рукоять обматывалась золотой или серебряной проволокой. В отдельных случаях на клинок наносились надписи. В «Речах Сигрдривы» дается такой совет: «Руны победы, коль ты к ней стремишься, — вырежи их на меча рукояти и дважды пометь именем Тюра!»³

Такой меч, передаваемый от отца к сыну как семейная реликвия и наделенный, по общему убеждению, магической силой, был необходим любому, кто рассчитывал стать славным воином⁴. Особо знаменитым клинкам давались имена. Конунг Хакон Добрый владел мечом по имени *Квернбит* («Жернорез»): по словам конунга он мог расколоть каменный жернов, и однажды Хакон одним ударом этого меча рассек шлем и череп берсерка, прежде не знавшего поражений⁵. Правители награждали мечами своих любимцев. Сам Олав подарит своему скальду Сигвату Тордарсону меч с серебряным навершием и золотой рукоятью.

Бэсинг был слишком велик и тяжел для Олава: тот носил его постоянно, и ножны с грохотом волочились по полу. Движимый самыми лучшими побуждениями, Сигурд предложил заменить его на меч поменьше, пока Олав не подрастет, но в ответ мальчик заявил, что, хоть он и маленький, но никогда и никому не позволит владеть Бэсингом. Сказано это было с такой яростью, что Сигурд позволил ему оставить меч себе.

Обладая Бэсингом, Олав считал себя наследником конунга Олава Альва Гейрстадира, покоившегося в кургане в Хаугаре, и это заставляло его еще больше гордиться оружием. Оно давало Олаву право претендовать не только на землю в Вингульмёрке, но и на происхождение от сверхъестественных предков. Альвом Гейрстадира

в стародавние времена называли конунга Вингульмёрка, чья мать, мифическая Альвхильд, была дочерью Альварина, конунга Альвхейма (страны альвов)*. Рожденные ею дети были поразительно красивы, и все полагали, что они, скорее всего, приходятся родней альвам.

Из саг мы знаем, что повзрослевший Олав, помимо меча, владел также секирой с широким лезвием и длинным древком, которую он назвал *Хель* в честь богини смерти. Такие секиры были предназначены для боя, а не для рубки леса; их лезвие, более тонкое и легкое, чем у топора лесоруба, иногда инкрустировалось серебром или золотом, как у дорогого меча, и имело широкий, острый как бритва край из специально закаленной стали. Используя обе руки, человек, умеющий обращаться с такой секирой, мог с легкостью разрубить вражеский щит или обезглавить лошадь⁶. Говорили, что некоторые секиры обладали магическими свойствами и издавали звенящий звук, когда к ним прикасались.

Кроме того, Олав метко стрелял из лука и ловко обращался с копьем. Некоторые копья были тяжелым оружием ближнего боя и использовались для нанесения таранных колющих ударов, подобно винтовке с примкнутым штыком в армиях недавнего прошлого. Более легкие копья предназначались для метания с помощью ремня и при достаточно сильном броске могли насквозь пронзить человека, если на нем не было кольчуги. Вдобавок Олав мог научиться

* Название часто употреблялось во множественном числе: *Álfheimar*. Примечательна земная локализация этой «страны альвов». В главе XLVIII «Саги об Инглингах», где рассказывается о предках Олава Гейрстада-Альва Гудрёдссона, чуть ниже говорится: «Альвхеймаром называлась тогда область между Раум-Эльвом и Гаут-Эльвом», т.е. между реками Гломма в восточной Норвегии и Йёта-Эльв на юге Швеции. — *Прим. пер.*

пользоваться пращей — еще одним орудием смерти, на которое сейчас редко обращают внимание.

Как можно догадаться, именно Храни научил его обращаться с оружием, а также ставить паруса, грести и управлять кораблем в море. Олав был способным учеником и схватывал все на лету. Снорри говорит, что в раннем возрасте мальчик уже «владел многими искусствами»: он очень хорошо плавал и умел работать с любым металлом в кузнице. Упорно стремясь быть первым, он старался побеждать во всех состязаниях и играх.

Чем старше становился Олав Харальдссон, тем меньше уважения он питал к своему отнюдь не воинственному отчиму. Снорри описал Сигурда, работающего в поле, так: «На нем были синяя куртка, синие чулки, высокие сапоги, завязанные ниже колен, и широкая серая шляпа. Лицо его было прикрыто платком [от мошкары]. В руках у него была палка с позолоченной ручкой, в которую было вделано серебряное кольцо». Такой наряд вовсе не соответствовал образу викинга. Но в обычное время скандинавы всех рангов у себя на родине одевались просто (если только не собирались в пиршественный чертог). Они носили *вадмал* — одежду из грубого и неокрашенного домотканого полотна⁷.

Однажды Сигурд велел Олаву оседлать для него коня. Мальчик положил седло на самого крупного козла на хуторе и подвел его к дверям. На что Сигурд только махнул рукой и сказал: «Права твоя мать, не следует заставлять тебя делать то, что тебе не по вкусу, — после чего добавил: — Видно, мы с тобой разные люди. Ты более гордый человек, чем я»⁸. Олав рассмеялся и зашагал прочь.

Тем не менее миролюбивый Сигурд был юному Олаву прекрасным отчимом — терпеливым и, как можно догадаться, любящим. К тому же он был не только богат, но и сумел уцелеть как последний мелкий правитель

в Норвегии, имеющий право называть себя «конунгом». Детство Олава, окруженного заботой высокородной семьи, было счастливым.

Живя в стране, не имеющей своих книг, юный Олав научился читать и чертить руны. Эта неуклюжая система письменности, состоявшая из шестнадцати букв, использовалась для высечения памятных надписей на камнях или защитных заклинаний (а также проклятий) на кораблях, оружии и амулетах. Ею же писали вопросы на палочках, веточках или деревянных стружках, которые затем подбрасывали в воздух, чтобы предсказать будущее по положению, в котором они приземлятся на разостланную белую рубаху или кусок полотна.

Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки⁹.

Но бросать их было опасно, так как этим можно было привлечь злых духов.

Кроме того, Олаву рассказали о северных богах и о том, как им поклоняться, поскольку в древней Скандинавии вождь одновременно был и жрецом — *годи*, и по достижении необходимого возраста ему предстояло приносить богам жертвы, что считалось единственным способом обеспечить своему народу хороший урожай и помочь пережить зиму. Долгий *йольблот* — жертвенный пир в честь середины зимы, происходивший в канун *йоля* (на солнцестояние), — был долгожданной передышкой в это суровое время года, приятным поводом отвлечься от ухода за скотом и чистки конюшен и коровников. Он радовал даже

больше, чем праздники в теплое время года, такие как *сумарблот* середины апреля, когда богам приносили жертвы за победу в битве, или хмельной пир в честь встречи зимы, устраивавшийся в середине октября ради будущего урожайного года. На пиры в поместье Сигурда Свиньи собирались окрестные *бонды* (хозяева хуторов) со своими семьями и слугами.

Жертвоприношение могло происходить в специально освященном месте недалеко от усадьбы вождя, в одном из немногих существовавших тогда храмов, под сенью священного дуба или на алтаре* перед курганом — при условии, что местные альвы не доставляли хлопот (что, по слухам, иногда происходит в Исландии даже в наши дни). Однако же вполне вероятно, что первые жертвоприношения, которые наблюдал Олав, проводились в пиршественном чертоге у Сигурда. Каждый *бонд* приводил лошадь — самое ценное живое существо после человека — и приносил другие дары.

Церемония начиналась с подвешивания лошадей. Сигурд, исполнявший обязанности жреца, перерезал им горло. Слив кровь в котел, он с помощью пучка веток обрызгивал ею стены и пол, а также всех присутствующих, подобно тому как окропляют святой водой христиан. Иногда в жертву приносили и других животных и даже (хотя и редко) людей — преступников, пленников или рабов, убивая их тем же способом. После того как лошадей разделявали, их мясо, которому приписывались чудодейственные свойства, варили в котлах, а затем раздавали с бульоном или без него в особых чашах, которые Сигурд благословлял молитвой. Люди поднимали тосты во славу

* Др.-сканд. *högr*. Такие алтари, как правило, представляли собой сложенную под открытым небом грудку камней и отличались от храма (др.-сканд. *hof*), имевшего стены и крышу. — *Прим. пер.*

богов (прежде всего Одина и Тора) и в честь усопших родичей. Бонды приносили с собой много еды, пива и хмельного меда, так что пир, сопровождаемый песнями и танцами, затягивался на несколько дней.

В эпоху викингов дома скандинавской знати представляли собой величественные деревянные строения со стенами из бревен и плетенки, обмазанной глиной. *Ставы* (столбы из стволов деревьев) подпирали низкие крыши, покрытые в несколько слоев берестой. Чтобы бересту не унесло ветром, ее придавливали кусками дерна, и предприимчивые овцы забирались наверх и паслись там. (В наши дни такие крыши еще можно увидеть на хуторах в отдаленных районах Норвегии.) Усадьба знатного человека представляла собой длинный *иннхус* («внутренний дом») с тремя темными, без окон, комнатами, которые заполнялись дымом из вытянутого, похожего на ров очага, проходящего по центру главного помещения. Дым медленно выходил через специальное отверстие в крыше, которое служило единственным источником дневного света.

Иннхус состоятельного вождя, такого как конунг Сигурд Свинья, обычно имел внешнюю веранду, пристроенную к чертогу для пиршеств, а также отдельные гостевые комнаты и бани. За ними располагался *утхус* («то, что снаружи дома»): амбары, стойла и сараи. Ближайшим строением к дому была конюшня. Примерно так и выглядела столица крошечных владений Сигурда.

Хотя это был период средневекового климатического оптимума, зимы с их завывающими метелями и поземкой должны были казаться людям бесконечными. Нам трудно представить себе холод, сырость, дым и всепроникающий смрад, в которых жили люди того времени, а вдобавок им приходилось постоянно беспокоиться о том, хватит ли

припасов на зиму. «Во многих местах их жизнь была непрекращающейся борьбой с голодом, холодом и болезнями»¹⁰. Если амбары пусты, маленьких детей переставали кормить, а от стариков и больных аккуратно избавлялись с помощью удара по голове — все ради экономии еды.

Как бы глубок ни был снег, иногда викингам приходилось выходить из дома. Они охотились на лосей и оленей, на птицу и горных зайцев, чтобы разбавить свой основной зимний рацион, состоявший из овсяной или ячменной каши, к которой в качестве особого лакомства шел кусок полусгнившего мяса, засоленного или замаринованного в сыворотке, либо хвост сушеной трески. Выходили они на охоту и ради меха, необходимого, чтобы не мерзнуть. Добывались шкуры медведя, волка и рыси, куницы, выдры, лисицы и белки. Вопросом жизни было умение быстро ходить на лыжах и снегоступах, пересекать замерзшие озера и реки на коньках, сделанных из бедренных костей коровы или оленя, правильно пережидать снежные бури. Снорри рассказывает, как один зверолов, попав в метель, переждал ее, ночуя под снегом. Этому навыку выживания и сейчас обучают солдат в норвежской армии.

Мир викингов был в значительной степени аристократическим. На вершине чрезвычайно многослойной родовой структуры находились вожди и их ближайшие родичи, однако при этом они не были всемогущи. Распри между родами из-за убийств или воровства, как и споры из-за прав на землю, должны были выноситься на обсуждение на местном *тинг*е — собрании свободных людей. Человек, признанный виновным в серьезном преступлении, таком как убийство, должен был выплатить компенсацию родственникам жертвы скотом или зерном. Если же он совершал нечто по-настоящему чудовищное, его могли

объявить вне закона, что давало любому свободному человеку право убить его.

Более-менее состоятельные свободные люди (бонды) владели хуторами, хотя было много и безземельных, и они становились хускарлами или нанимались батраками. Поскольку это было рабовладельческое общество, в самом его низу находились *трэли* — рабы, захваченные за морем во время набегов. Они составляли двадцать процентов населения Норвегии. Иначе и быть не могло, ведь викинги, помимо пиратства, торговали людьми и увозили с собой выносливых мужчин и красивых девушек.

Как резюмирует Нил Прайс, попавшие в руки ловцов рабы «буквально за считанные секунды переживали невероятное превращение из человека в собственность»¹¹. Большую часть из них викинги продавали за море, но немало было и тех, кого они привозили с собой на родину, где этим южанам, одетым в лохмотья, в обуви из бересты, предстояло столкнуться с неведомым прежде кошмаром в виде холодных зим. Мужчины-рабы ночевали в конюшнях, а днем выполняли всю черную работу — копали и унавоживали землю, валили деревья, резали торф, пасли овец или свиней. Они были незаменимы для поддержания хозяйства на хуторе, пока хозяин дома со своими людьми находился в походе, но когда раб старел, от него могли просто избавиться как от любой другой скотины, переставшей приносить пользу.

Судьба женщин-рабынь складывалась по-разному. Не красивых отправляли на изнурительные работы, где заставляли трудиться до тех пор, пока они сами не падали с ног или от них не избавлялись. От восхода до заката им приходилось ткать вадмал, шить паруса, доить скот, сидя по уши в навозе, или — в самом лучшем случае — прислуживать в доме. А красивым выпадала участь хуже смерти — пока

они не теряли свою красоту и их не отправляли на работы вместе с менее привлекательными. Тем не менее исследования ДНК показывают, что некоторым улыбалась удача, особенно тем, кого привозили из Ирландии или Шотландии. В Скандинавии эпохи викингов существовала полигамия, и состоятельные мужчины брали себе наложниц, что приводило к нехватке молодых женщин брачного возраста из семей свободных людей, так что нередко для бедного свободнорожденного скандинава единственным способом найти жену было жениться на девушке-рабыне.

Очевидно, что в таком обществе женская доля была самой тяжелой, особенно доля женщины-рабыни, которую могли похоронить (даже заживо), чтобы она служила своему хозяину и в будущей жизни. Известно описание похорон скандинавского вождя, оставленное арабским автором X века Ахмадом ибн Фадланом, который встретился с викингами на Волге. Он рассказывает, как молодую рабыню, которую убедили отправиться в загробный мир вместе с хозяином, несколько дней держали в состоянии опьянения. Затем участники похорон ее ритуально насиловали, а в самом конце кричащую девушку избивали и душили, пока она не умерла (обрядами руководила безобразная старуха, называемая ангелом смерти, которая почти наверняка была ведьмой). Ибн Руста, еще один арабский автор, живший в X веке*, сообщает, что, когда вождь викингов умирал, его люди возводили погребальный курган и «клали в могилу живой любимую жену покойника». Как — спрашивает историк — очевидцы «мирились с мыслью о том, что внутри этой могилы, в темноте, рядом с разлагающимся трупом супруга медленно задыхается и умирает

* Ахмад ибн Руста (тж. ибн-Русте) был этническим персом из Исфахана, но писал по-арабски. Викингов он, как и ибн-Фадлан, называет словом الروس /*ar-ruṣ*/, т. е. русью. — *Прим. пер.*

женщина, которую они лично знали, и что однажды их может постигнуть та же участь?»¹² К счастью, подобные случаи, когда хоронили живых людей, судя по всему, не были частыми.

При этом, однако, жены и дочери людей свободного сословия могли рассчитывать на вполне уважительное отношение. Они пользовались определенными правами, в частности на наследование имущества, и даже известной степенью независимости, поскольку здравый смысл подсказывал, что семья держится именно на них. Свадебная церемония наделяла женщину законным статусом, и она имела право развестись с мужем и вернуть свое приданое, если могла доказать, что он бил ее без причины или не справлялся с супружеским долгом. Изнасилование каралось по закону. Тем не менее жене приходилось мириться с существованием наложниц или с тем, что ее муж спит с любой рабыней, которая ему приглянулась. Сама же она была ограничена только одним мужчиной, и ее могли казнить, если признавали виновной в измене.

Сильная женщина в браке со слабым мужчиной могла добиться для себя права заниматься мужским делом, и некоторые (правда, очень немногие) скандинавки даже создавали торговые предприятия. Словом *рингквинна* называли незамужнюю женщину, которая после смерти отца или брата в отсутствие других взрослых родственников мужского пола брала на себя обязанности главы семьи со всеми полагающимися по закону правами. В «Старшей Эдде» рассказывается о «щитоносных девах», женщинах-воительницах с волчьими сердцами, таких как юная Хервёр из «Саги о Хейдреке», которая, одевшись как мужчина, отправилась в курган своего отца, чтобы забрать его меч.

Величайшей девой-щитоносицей в скандинавских легендах была Лагерта. Мы знаем о ней только из «Деяний